

**МАШАНОВ
ГРИГОРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ**

старший юрист
«Трансперенси Интернешнл — Р»¹

ОСТОРОЖНО, ГОСУДАРСТВО ЗАКРЫВАЕТСЯ!

Как российские власти прячут информацию от недоверчивого общества и при чем тут коррупция

Один из главных вопросов, обсуждаемых в этом выпуске СоциоДиггера, — о том, является ли кризис доверия между обществом и властью одной из ключевых препон к успешному противодействию коррупции, в том числе утверждению в обществе нетерпимости к коррупционному поведению.

Определенно, что корреляция в этом вопросе имеется. Если посмотреть на списки стран по уровню доверия и сравнить с Индексом восприятия коррупции, то можно заметить, что страны с высокими значениями индекса, то есть низким уровнем воспринимаемой коррупции², имеют в среднем и больший уровень доверия³. Однако корреляция, как известно, не всегда равна каузации. Видны и любопытные исключения вроде Испании, находящейся по доверию на уровне России. К тому же, если замеры уровня доверия общества к государству широко известны, то замеров уровня доверия государства (госслужащих) к обществу мне встречать не приходилось — а взглянуть на подобное исследование было бы крайне любопытно.

В любом случае Россия не может похвастаться ни высоким уровнем доверия к власти, ни низким уровнем восприятия коррупции. В этом контексте я как юрист хотел бы кратко рассмотреть, как государство в России прошло путь от большой открытости публичной информации, связанной с коррупцией, к тому откату,

¹ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции иностранного агента.

² https://en.wikipedia.org/wiki/Corruption_Perceptions_Index#Rankings.

³ См.: Edelman Trust Baromete 2021. P. 44. URL: <https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2021-03/2021%20Edelman%20Trust%20Barometer.pdf>.

который мы наблюдаем сейчас, и как при этом как менялся уровень доверия к власти. Однако, поскольку вопрос о доверии абстрактной власти не задается, а доверие к конкретным властным институтам в нашей стране слабо зависит от эффективности их деятельности (что видно по рейтингам президента и правительства), представляется возможным сделать такой обзор с использованием опроса о том, как оценивают респонденты полноту деклараций о доходах госслужащих и политиков, который с 2010 года проводит «Левада-Центр»⁴. Вполне возможно, что такая оценка зависит и от уровня доверия к власти — если власть заслуживает доверия, то больше оснований считать, что и в своих антикоррупционных декларациях госслужащие честны.

С 2010 по 2013 год декларационная кампания активно разворачивалась. Все увеличивалось и увеличивалось число декларантов, расширялся перечень декларируемых сведений. Появился проект «Декларатор», агрегирующий в себе сведения с сайтов органов власти. СМИ начали активно писать о доходах тех или иных лиц, и это способствовало тому, что многие граждане впервые узнали о существовании такой системы. В тот период доля тех, кто считал, что декларируется все или большая часть, увеличилась с 12 % до 18 %, а считающих, что декларируется меньшая или ничтожная часть, — уменьшилась с 78 % до 71 %. Не так много, но динамика очевидна.

В 2015—2016 годах тренд на рост доверия к декларациям продолжился. Доля доверяющих выросла до 23 %, а скептиков — снизилась до 66 %. В это же время топовые коррупционеры по-настоящему получают бумерангом от своей же открытости: публикуются громкие расследования про главу РЖД Якунина, вице-преьера Шувалова, пресс-секретаря президента Пескова, главу Таможенной службы Бельянинова и многих других. Впервые государство начинает заниматься сокрытием ранее опубликованного: из базы Росреестра удаляются имена сыновей генпрокурора Чайки, которые заменяются шифрами ЛСДУЗ и ЙФЯУ9. В этот же момент, хотя и прекращается какое-либо качественное развитие антикоррупционного законодательства (не считая бесконечного переписывания правил о госзакупках, ничего принципиально не меняющих), наступает активная фаза применения антикоррупционных профилактических норм. Прокуроры пачками требуют увольнений за ложь в декларации и конфликт интересов, многие из этих кейсов становятся медийными и получают широкую известность.

В 2017 году доля уверенных в достоверности деклараций падает до 20 %, но и число скептиков уменьшается до 61 %. В этом же году число затрудняющихся ответить

⁴ Расхождение интересов власти и общества // Левада-Центр. 11.03.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/11/rashozhdenie-interesov-vlasti-i-obshhestva/> (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

растет до 19%, то есть почти в два раза. Вероятно, многие запутаны фильмом «Он вам не Димон» про Дмитрия Медведева и сомневаются как в версии Навального, так и в версии властей. Власти усиливают кампанию по чистке Росреестра, оттуда пропадают и Игорь Шувалов, и многие другие фигуранты громких общественных расследований. В 2019 году, последнем измеренном годе, доля скептиков резко растет до 77%, а доверяющих — падает до 14%. Все возвращается к тому пункту, с которого началось за десять лет до этого. Государство разворачивает машину секретности: резко сокращается число интернет-декларантов в МВД (с десятков тысяч до 50 человек) и других ведомствах. Засекречиваются любые госзакупки ФСБ, Минобороны, Росгвардии и Роскосмоса. В целом уровень доступности информации резко падает. Государство начинает упираться на внутриведомственный контроль, и даже прокремлевский ОНФ заметно теряет свои позиции в сфере общественного контроля за госзакупками. До сих пор официально не опубликованы даже паспорта программ в рамках гигантских национальных проектов. Некоторые расследователи начинают пользоваться этически спорными инструментами вроде «слитых» баз прописки, паспортов, машин, авиа- и ж/д перевозчиков. Государство, сузив доступность легальной информации, совсем забыло про бреши в своей системе информационной безопасности.

Мы видим, что в периоды повышения информационной открытости по коррупции граждане стремились больше доверять той информации, которую декларировали должностные лица. Напротив, тренд на закрытие информации обнулил все эти достижения и, по-видимому, вернул нас в эпоху до принятия закона о противодействии коррупции в 2008 году. Сейчас граждане не имеют оснований верить государству. Влияет ли кризис доверия к власти на укоренение в обществе антикоррупционных практик — это вопрос скорее социолого-психологический, нежели правовой. Но зато мы можем видеть, как на фоне сокращения доступной информации, связанной с коррупцией, граждане все меньше и меньше верят, что имеющиеся антикоррупционные инструменты несут какой-то смысл.

И это точно не способствует формированию антикоррупционной солидарности между властями и равнодушными россиянами.